

Героическая и трагическая битва за Днепр

Битва за Днепр осенью 1943 года стала одним из крупнейших сражений в истории. С обеих сторон в той битве приняло участие до 4 миллионов человек, а фронт растянулся почти на 750 километров.

Гитлер понял, что летнее наступление Красной Армии если и удастся остановить, то только на Днепре, за счёт создания многочисленных укреплений «Восточного вала». Он требовал, чтобы солдаты вермахта защищали позиции на Днепре любой ценой.

До Днепра немецкая армия отступала. Это был тактический ход, чтобы сохранить основные силы. Они определили эту водную преграду, от которой нельзя отступать, и считали, что мы её не сможем преодолеть.

Так, с августа 1943 года вдоль всего берега Днепра возводились всевозможные укрепления, оборудованные огневыми точками. Днепр с его крутым правым берегом, на котором сосредоточились фашисты, и левым, более пологим, в низовье своём разливался до 3-х километров в ширину и представлял серьёзную преграду. А ещё было сильное течение в середине реки и очень холодная вода. Те, кто падал в воду вдали от берега, были практически обречены.

При отступлении немцами с левого берега Днепра было вывезено или уничтожено почти всё, что могло бы помочь нашим наступающим войскам.

Это в первую очередь было продовольствие, домашний скот, лошади, фураж, рыбацкие лодки.

Наши армии ещё гнали отступающего противника к реке, а уже был получен приказ главнокомандующего – с ходу форсировать Днепр. Важно было не дать противнику передышки для перегруппировки и укрепления оборонительных рубежей.

Но растянувшиеся до 200 км на марше части оказались без

собственных плавсредств и понтонов, без поддержки средств ПВО и тяжелой артиллерии. Из-за острой нехватки горючего вся техника значительно отставала от выдвинувшихся к Днепру передовых частей.

Георгий Жуков вспоминал: «Для тщательной подготовки наступления к Днепру у нас не было возможностей. В войсках обоих фронтов чувствовалась большая усталость от непрерывных сражений. Ощущались некоторые перебои в материально-техническом обеспечении».

Лодки и понтоны застряли где-то на марше. Средств для переправы почти не было, не считая нескольких надувных лодок. Местность на левом берегу степная, нет леса, не из чего было вязать плоты. Поэтому в ход пошло всё, что нашлось в ближайших поселениях (бочки, двери, деревянные сараи, плетни, крыши).

Осложнялось всё ещё и тем, что у наших армий не было достаточного опыта по форсированию таких мощных и широких рек. Некоторые бойцы вообще не умели плавать.

Очевидцем тех событий был мой дедушка Подгорный Иван Матвеевич 1911 года рождения, служивший шофером в 27-й отдельной инженерной бригаде специального назначения 2-го Украинского фронта.

Он рассказывал, что, когда солдаты увидели, какую реку придётся форсировать, многим стало не по себе. Температура воды в это время не превышала 5-6 градусов, а воздуха — около 10 градусов тепла. Через несколько минут пребывания в такой воде наступали переохлаждение и судороги мышц.

Наши бойцы в шинелях, с оружием, гранатами, противоголоном, сапёрной лопаткой и в кирзовых сапогах, выплыть на берег самостоятельно уже не могли. А с правого высокого и обрывистого берега по ним

били пулемёты, артиллерия и миномёты.

Днём переправляться было чистое самоубийство. Иногда высоко, на недостижимой высоте висела «рама», выскивая сосредоточения наших войск, по которым сразу била артиллерия. Наших зенитных расчётов было мало, и немецкая авиация безнаказанно уничтожала всё, что обнаруживала на воде и на нашем берегу. В первые дни нам так не хватало поддержки с воздуха авиации, огня зенитчиков и артиллерии.

По ночам тёмные просторы реки высвечивались сигнальными ракетами, и по любому предмету на воде открывался шквальный пулемётный огонь. Несколько ночных неудачных попыток форсирования Днепра в самом начале операции стоили нам до половины личного состава.

Тех, кого не достали пули, убивала своим холодом вода. Многие наступательные группы уходили к реке и не возвращались. А утром река выбрасывала на берег тела наших солдат, форсировавших Днепр выше по течению. Это было страшное зрелище. Река казалась красной от крови.

Иван Матвеевич всю войну служил шофером. Его боевой путь прошел через Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию и закончился в освобожденной Чехословакии. Но самые жуткие воспоминания о войне, которые навсегда врезались ему в память, были воспоминания о многих тысячах погибших наших солдат при форсировании Днепра.

Он неплохо играл на трофейной гармонии, привезённой с фронта, и его часто просили сыграть что-нибудь после застолья. Эти выступления заканчивались всегда одинаково. Последней всегда была песня «Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч...» При этом песня скорее была похожа на стон, на невысказанную боль пережившего такие страдания человека. С последним аккордом

сворачивались красные меха гармони, а на глазах старого солдата стояли слёзы. «Ваня, пойдём», — говорила бабушка и уводила его от гостей в другую комнату, где он мог прилечь на кровать и дать волю чувствам после нахлынувших воспоминаний.

О тех событиях писатель-фронтовик Юрий Бондарев написал повесть «Батальоны просят огня». А писатель Виктор Астафьев, служивший на войне, как и мой дед, шофёром, так описал переправу через Днепр в своём неоконченном романе «Прокляты и убиты»:

«Сотни раз уж было сказано: куда, кому, с кем, как плыть, но все это знание спуталось, смешалось, забылось, как только заговорили, ударили пушки и пулеметы. Оказавшись в воде, люди ахнули, оженно забулькались, где и взвизгнули, хватаясь за баркас.

– Нельзя-а! Нельзя-а-а! – били по рукам, по головам, куда попало, били гребцы веслами, командиры ручками пистолетов.

– Опрокинете! В Бога душу мать! Вперед! Впере-од!..

– Тону-у-у, тону-у-у! – послышался первый страшный вопль – и по всей ночной реке, до самого неба вознеслись крики о помощи, и одно пронзительное слово: – Ма-а-ама-а-а-а! – закружилось над рекой.

Оставшиеся в хуторе на левом берегу бойцы, слыша смертные крики с реки, потаенно благодарили судьбу и Бога за то, что они не там, не в воде...

Почти все понтоны с бойцами, батальонными минометами и

сорокапятками были на воде разбиты и утоплены, однако чудом каким-то, не иначе, словно по воздуху, некоторым подразделениям удалось добраться до берега, уцепиться за него и вслед за разрывами снарядов и мин продвинуться вперед, минуя осыпистый яр».

Каким-то чудом небольшим группам бойцов удавалось выбраться на вражеский берег и глубоко зарыться в него до рассвета.

А с новым днём накатывались новые и новые волны огня, старающиеся сбросить их с обрыва обратно в реку. Но они держались. Много было раненых, но некому было их спасать.

Наскоро перевязанные, они не выпускали из рук оружия. Не хватало боеприпасов и... воды. Хоть до реки было рукой подать, но выходить на постреливаемый берег было смертельно опасно.

Лодки, груженные боеприпасами и минами, немцы топили в первую очередь. В воздухе непрерывно висели немецкие самолёты и волнами свободно бомбили плацдарм и переправы. А на самом плацдарме не стихала артиллерийско-миномётная канонада, стреляли танки, снаряды рвались на земле и в воде, поднимая фонтаны брызг.

Бессмысленными потерями закончилась попытка десантирования парашютистов за Днепр. Из-за ошибки пилотов часть десантников попала в воды Днепра, часть на свои же позиции. Другие были ещё в воздухе расстреляны с земли зенитным и автоматическим огнём.

Уцелевшая часть десанта за неимением противотанкового оружия была сметена вскоре после высадки танковыми корпусами. Единицам из них удалось выжить и пробиться к партизанам. Последние, со своей стороны, тоже помогали нашему наступлению, нарушая коммуникации врага, мешали подвозить подкрепление, боеприпасы и продовольствие.

И атаки нашей авиации, и огненные удары «Катюш», и массированная огневая поддержка артиллерии — всё это было позже, когда к Днепру подтянулись основные силы наступающих армий. Это позволило навести понтонные переправы и перекинуть «бронетанковый кулак» за реку, на отвоеванные у врага плацдармы.

Победа в битве за Днепр досталась нам дорогой ценой. Это сражение стало одним из самых кровопролитных в Великой Отечественной войне. К началу октября 1943 года в переправившихся за Днепр дивизиях оставалось только 20–30% от штатной численности личного состава. Только по официальным данным, наши потери составили убитыми и ранеными от 400 000 до 1 200 000 человек.

За форсирование Днепра только звание Героя Советского Союза было присвоено 2438 воинам.

А в памяти всего народа болью отозвалась песня «Ой, Днепр, Днепр...»

София Дергунова (6Б)

